

«долги» или «преступления» из-за их популярности, фактически мы говорим о грехах.

*И прости нам наши грехи*²⁸

Тогда что такое грехи? Ответ нам кажется простым и понятным как и все остальные слова, но необходим тщательный анализ, чтобы увидеть: действительно ли мы понимаем полное значение слова. Сегодня в обычной речи мы все еще можем услышать фразу «жить во грехе» как эвфемизм для сожительства вне брака, и хотя ныне сожительство стало более обыденным, чем раньше, фраза приобретает странное звучание. Но общепринятая ассоциация греха с нетрадиционной сексуальной ориентацией, все еще сильна. В этом легко может убедиться каждый, кто прочтет заголовки прессы. Другая сфера, в которой слово имеет определенный вес, – это диета. О шоколадном торте, например, можно сказать: он содержит греховное количество калорий, хотя и кажется немного несправедливым сваливать вину на калории, когда они ничего плохого не сделали! Как ни странно, но обе эти ассоциации могут претендовать на определенную поддержку из Библии. В конце концов, съев запретный плод, Адам и Ева отпали от благодати, и только после этого они ощутили стыд своей наготы, – реакция, обычно предполагающая смущение из-за своей сексуальности. Такие логические связи могут быть сверхъестественно живучи, но было бы неправильно ограничивать масштабы греха прожорливостью и похотью. Даже средневековые богословы, исследовавшие вопрос детально, сошлись на пяти смертных грехах, и наибольшим из них стало не что иное как гордость. Понятно, что вопросе грех охватывает больше, чем видит большинство людей, но

²⁸ В русском Синодальном тексте – «долги». См. также Приложение. – Прим. перев.

мы должны лучше у нем разобраться, прежде чем перейдем к размышлению о том, что значит получить прощение грехов.

Прежде всего, относительно греха мы должны сказать: это неестественное поведение человека, которое совершенно не входило в Божий замысел. Когда Бог создал людей, он хотел, чтобы они плодились и размножались, и наполняли землю. Он дал им преимущество перед другими творениями, – право возделывать землю. Он не создавал их с мыслью о том, что они должны грешить: ничто в материальной вселенной не должно было натолкнуть их на грех. В Библии прямо об этом сказано. Когда Бог создал мир, он посмотрел на него и увидел, что все было весьма хорошо (Быт. 1, 31). К сожалению, во времена Иисуса такое восприятие было скомпрометировано двумя различными, но хорошо дополняющими друг друга идеи. Еще во времена Моисея евреям были даны законы питания, разделившие мир на «чистое» и «нечистое». Запрещено было есть верблюдов и страусов (Лев. 11, 4.16), но многие понимали, что речь не о том, будто верблюд или страус – зло сами по себе. Люди прекрасно осознавали, что сотворенное Богом, было по сути хорошим, независимо от того пригодно ли оно для употребления или нет. Но многие благочестивые евреи пришли к убеждению, что всякий, кто ест запрещенную законом пищу или если ест разрешенную пищу неправильно (или не в той компании) – порочит себя такими поступками. Получив ритуальные заповеди, евреи впали в заблуждение, ставшее особенно серьезным, когда распространилось на людей, не выполняющих их предписаний. В результате, как видно из Евангелий, в глазах многих религиозных лидеров грех стал делом внешнего религиозного неподчинения и почти полностью утратил свое духовное измерение. Вот почему Иисус вынужден был напомнить им, что зло исходит не из пищи, употребляемой ими, но из помыслов

и намерений сердец – из того, что должно быть очевидным, но было заслонено ложным толкованием закона Моисея (Мф. 15, 17-20).

С другой стороны, в языческом мире существовала греческая дуалистическая философия, принятая интеллектуальной элитой, согласно которой, все материальное автоматически было злом. В их представлении только духовные реалии могли быть добром и спасение означало побег из тела и возвращение в сферу чистого духа. Те, кто стремился к подобному спасению, были обязаны практиковать различные формы аскетизма в своей жизни, когда они старались как можно больше избавиться от материального. Христианство, несмотря на свое презрение к греческой мифологии, ухватилось за это утверждение, что и стало одной из главных причин: почему древнегреческие философы оставались последним оплотом древнего язычества.²⁹ Наряду с творением мира добрым и любящим Богом, воплощение и воскресение его Сына, указывали на одно: материальное творение было хорошо и, наряду с духовным, играло свою роль в искупительном замысле Божьем. Сегодня мы официально отказались от древнегреческой точки зрения, и большинство более позитивно относится к материальному, может быть, даже слишком позитивно во многих случаях. Но склонность к оправданию аскетизма никуда не девается и время от времени проявляется. Богатые и зажиточные люди в развитых странах часто испытывают чувство вины, в некоторых случаях справедливое, но идея, что собственность – это плохо и нужно от нее избавиться, не может быть выходом для всех. Возможно, кого-то Бог

²⁹ Философские школы в Афинах закрылись в 529 году, через двести лет после официального принятия христианства. В то время они превратились в культурную аномалию, представляя то, что давно исчезло из общественного сознания.

призовет и к такому радикальному шагу. Но для многих из нас выход из ситуации не в отказе от всего, что было нам дано, но право использовать материальные блага так, чтобы они приумножались.

Все это может показаться простым на первый взгляд, но в действительности все намного сложнее, потому что заставляет нас судить о том, от чего не требуется полностью отказываться. Как христиане, мы несем ответственность перед Богом за то, что он дал нам, и если мы просто все отбросим, то полностью откажемся от этой ответственности. Великий шотландско-американский филантроп Эндрю Карнеги сказал, что стыдно умирать богатым, но он не имел в виду, что нужно просто избавиться от своего состояния. Наоборот, он очень бережно тратил его, основывая благотворительные организации и общественные службы, которые и по сей день продолжают выполнять свои важные социальные функции. Он был человеком, знающим ценность материальных вещей и использовавшим их мудро, а не как человек, страдающий комплексом вины Мидаса, который отказался от возможности использовать все то, что было ему дано для величайшего блага гуманности. Не все из нас обладают средствами Эндрю Карнеги, но суть не в этом. Все очень просто и понятно: наш доход принадлежит Богу, поэтому если мы хотим правильно и ответственно распорядиться им – мы должны использовать его для славы Божьей.

Грех и зло присутствуют в мире, и хотя Бог позволяет им существовать, он не создавал их и не хотел, чтобы они появились. Фактически Бог ничего не создавал злым, даже сатану. Зло – не внутреннее качество вещей, а плод противления, непослушания воле Божьей. Бог сотворил нас не такими, но с другой стороны, он создал нас со свободой выбора, потому история Адама и Евы – это пример злоупотребления свободой. Вы можете сказать: «Это был

не мой выбор, я унаследовал грех от Адама, нравится мне это, или нет. Почему же христианство учит, что я должен отвечать за то, в чем нет моей вины? Разве это справедливо?» Аргумент достаточно старый, на него ответил еще апостол Павел:

А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему (его): «зачем ты меня так сделал?» Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого? Что же, если Бог, желая показать гнев и явить могущество Свое, с великим долготерпением щадил сосуды гнева, готовые к погибели, дабы вместе явить богатство славы Своей над сосудами милосердия, которые Он приготовил к славе...? (Рим. 9, 20-23)

Это, конечно, верно: мы унаследовали свою греховность от прародителей и не несем прямой ответственности за нее. Но мы должны помнить, что многое другое о нас – тоже правда. Например, я не выбирал, когда и где мне родиться, я не выбирал своих родителей, свой пол, свой рост, свой цвет кожи, национальность, образование... Я могу перечислять еще и еще. Почти все пришло ко мне извне, и было дано мне, несмотря на то, что я мог об этом думать. Во время пребывания в Африке я очень хотел быть чернокожим, потому что тогда я мог бы влиться в мое окружение и не выделяться в деревне, как бледнолицый. Возможно, сюда приплетались постколониальные угрызания совести и определенное предубеждение, что белые люди в Африке должны были иметь лучшие жизненные блага, ибо колониальное прошлое ставило их, как доминирующую касту, на первое место. Тогда я понял, что я не просто принимаю то, что есть хорошего в моем человеческом наследии

и отбрасываю все остальное: если я приобретаю что-то положительное от моих предков, я также должен страдать от последствий их плохого поведения. Я могу честно сказать, что в Африке никто никогда не осуждал лично меня за грехи белой расы. Но я не мог избежать или игнорировать это наследие и прилагал все усилия, чтобы убедить их: мое собственное поведение не добавит ни одного грустного аккорда к этой балладе.

Что касается меня лично, мне приятно сказать, что никто из моих родителей никогда не курил и не принимал наркотики. Но если бы у них были вредные привычки, это могло бы повлиять на меня еще в утробе, и сегодня мне пришлось бы пожинать последствия этого. Мы не полностью свободны, как иногда можем думать о себе, и когда речь идет о грехе, мы тем более не свободны. Мы унаследовали грех, потому что наши прародители поступили неправильно, и теперь мы должны жить с его последствиями. Следует отметить, грех – не часть нашей «природы» в том смысле, что он не сотворен Богом и не вложен в нас от начала. Как мы уже видели, при сотворении Адама и Евы, Бог увидел: они были прекрасны. И чем бы ни был грех, его нельзя рассматривать, как несовершенство нашей сотворенной природы. Мы должны помнить, что когда в Библии речь идет о человеческой природе, почти всегда ссылаются на нашу физическую сущность, которая может быть слабой и поврежденной грехопадением, но не злой по своей сути. Адам и Ева были бессмертны, как ангелы. Они отпали от благодати, но не погибли, как сатана и его воинство, потерявшие свое высокое положение, но продолжающие существовать как полноправные существа. Вот в чем разница между греховностью и моральностью, и мы должны быть очень осторожны, чтобы не сказать, что наша человеческая природа греховна, только потому, что она не бессмертна.

Божье правосудие

Очень важно помнить об этом, потому что всегда есть люди, склонные думать, что физические недостатки и болезни как-то связаны с грехом. Веками считалось, что умственно больные люди одержимы дьяволом и из-за этого с ними ужасно обращались. В Новом Завете действительно есть несколько примеров людей, одержимых бесами, что внешне имело признаки умственной болезни, поэтому тех, кто усматривает здесь связь, нельзя судить строго, но и не следует ставить знак равенства. Сегодня очень мало людей провели бы здесь параллель, и мы в силах лечить умственные заболевания должным образом. Это большое благословение, но, к сожалению, мы, кажется, можем впасть в другую крайность и считать одержимость бесами совершенной выдумкой. Это может далеко завести, поэтому мы должны быть признательны, что в церкви есть люди, имеющие духовный дар различения духов и знающие, что нужно делать, чтобы изгнать злых духов. Поскольку мы помним, что физическая болезнь сама по себе не является следствием духовной проблемы, однако такая проблема может существовать.

С другой стороны, некоторые христиане думают, что у них есть право на здоровую, состоятельную и долгую жизнь только потому, что они верующие. Так называемое «евангелие преуспевания» произвело фурор в последние годы, особенно среди неимущих людей в развивающихся странах, которых легко привлечь обещанием лучшей жизни. Но это ложная и нездоровая доктрина, которой нужно дать отпор, ибо она может привести только к появлению иллюзий и потере веры, когда так называемые обетования так и не осуществляются. Конечно, наше физическое состояние может сказаться на нашем духовном состоянии и поведении (следует заметить, что обычно в худшую сторону),

но это не обязательно и проводить параллели здесь нельзя. История Иова подтверждает это мнение, и хорошо бы нам присмотреться к ней. Ее автор прилагает большие усилия, чтобы убедить нас, что Иов был праведным мужем, не сделавшим никакого греха в глазах Божьих, и что Бог не имел повода гневаться на него. Тем не менее, встал вопрос: была ли вера Иова в Бога связана с его удачной судьбой. Остался бы он верным своему Творцу, если бы с ним произошли неприятности? Сатана думал, что Иов быстро поменяет свое отношение, если обстоятельства его жизни изменятся, но Бог доверял ему и сказал сатане, что тот не прав в отношении Иова. Чтобы доказать это, Бог позволил сатане причинить различные страдания Иову.

Как мы знаем, Иов достойно прошел испытание. Самым грустным в этой истории было не количество потерь и трудностей, с которыми ему пришлось столкнуться, хотя они, без сомнения, были значительными, но отношение семьи и друзей к постигшему его горю. Жена патриарха была так раздосадована, что советовала мужу просто похулить Бога и умереть (Иов 2, 9). Друзья, которые пришли утешать его, добавили ему больше проблем вместо утешения. Иов перестал защищаться перед ними и доказывать, что его желание подчиняться Богу – не прикрытие какой-то тайной вины, которой у него не было, но принятие Божьего права делать то, что ему угодно. И Иову просто следовало принять трудности и довериться Богу в том, что он делает, даже если никому не понятно, что происходит. Важно заметить, что хотя автор очень четко дает понять, что страдания Иова исходят от сатаны (с Божьего разрешения), сам Иов не имеет об этом ни малейшего представления. Он никогда не винил сатану в своих неудачах, но воспринимал все, что случилось с ним, как приходящее от Бога. Другими словами, в его мышлении нет никакой двусмысленности. Для Иова добро и зло исходит из одного источника, и именно из

него Иов ожидает своего спасения (Иов 19, 25). В конце Бог открывает себя Иову и хвалит его за верность, вознаградив еще большим богатством, чем он обладал до начала испытаний. Но Бог не утверждал, будто не несет ответственности за все, что происходило, и никогда не упоминал ни о какой роли сатаны. Можно сделать вывод: Бог – владыка над всем творением, и ни один человек, каким бы честным и верным он ни был, не имеет никакого права усомниться в том, что постановил божественный правитель вселенной.

Жил ли Иов на самом деле, никто не знает, но вряд ли это имеет значение. Эта история стала классикой библейской литературы, потому что реализм ее повествования всемирно признан. В мире все еще полно людей, безропотно переносящих страдания, которые окружены «сочувствующими», всегда ищущими кого бы осудить. К сожалению, правда, что хорошие люди часто в трудностях остаются одни, в то время, как откровенные беззаконники насколько возможно выставляют напоказ свои злодеяния. Семьдесят второй псалом обсуждает эту проблему, потому что псаломпевец видел, что между благополучием и добродетелью связи нет. Он не мог понять и выразить словами: почему зло процветает, а добродетель страдает. Бог не дал прямого ответа на его вопрос, так же как и Иову, но дал понять, что, в конце концов, все станет на свои места. Благополучие этого мира только временно, и те, кто наслаждался преуспеванием на земле, не заслуживая этого, пожнут свою награду после смерти. Иисус рассказывал о нечестивом богаче, который будет томиться в аду, пока праведный нищий Лазарь будет проводить вечность на лоне Авраамовом, вблизи престола Божьего (Лк. 16, 20-25). Вот в какой перспективе Бог видит нас, пока нас раздирают видимые противоречия. Они испытывают нашу веру, но если наша вера укоренена на небесах, нам нечего бояться, потому что мы в безопасности в руке Божьей.

Еще одна типичная ошибка, которую совершают многие люди, – убеждение, что грех и зло – это просто отсутствие добра. Они размышляют следующим образом: поскольку все творение – хорошо, зло не может существовать само по себе и его нужно понимать как утрату. Такие важные и влиятельные люди, как святой Августин, верили в это, и сегодня все еще можно услышать отголоски таких идей. Например, Карл Барт в своих последних работах отверг идею, что сатана – личность, потому что в его понятии личность несет позитивное наполнение. Следовательно, быть злым – означало лишиться целостности личности, или, по крайней мере, каких-то ее аспектов. Что бы ни представляло из себя зло, его нельзя определить свойствами личности, несмотря на очень четкие указания в Библии на то, что сатана имеет яркие качества личности и общается с Богом и людьми. В Библии это объясняется тем, что грех берет свое начало из личного действия неповиновения сатаны против Бога. Он был первым, кто ослушался воли своего создателя, при этом полностью отдавая отчет в своих действиях. Мы можем только догадываться о мотивах его поступков, но богословы традиционно приписывают все гордости – сатана хотел добиться независимости и равного положения с Богом. Трудно представить, что еще могло руководить им, но его обещание Адаму и Еве, когда он предложил им съесть плод от дерева познания добра и зла, усиливает вероятность того, что им руководило желание восстать против Бога.

Сатана пообещал, что если Адам и Ева сделают то, что он скажет, они получат божественную способность различать добро и зло, что не было свойственно им, и таким образом станут более похожими на Бога, чем прежде. Пока не стало слишком поздно, они не понимали, что согласившись с предложением сатаны, они сами попали в ловушку. Дар, полученный ими, обернулся для них приговором

и отделил от Бога, вместо того, чтобы приблизить к нему, как обещал сатана. Падшие люди могут принимать нравственные решения, но какое бы решение они не приняли, оно будет нести отпечаток разрушенных отношений с Богом. В результате, даже если мы решим сделать что-то хорошее, в глазах Божьих это все равно будет неправильно, потому что основание отношений, которые он хотел иметь с нами, было разрушено. В статье XIII Свода догматов англиканской церкви «Тридцать девять статей» говорится: «Все, что совершено до оправдания, «по природе греховно» хотя может быть хорошо само по себе, но не может быть принято, потому что сделано людьми, которые еще не рождены от Духа Святого». Проще говоря, добрые дела могут совершать только добрые люди, а добрых людей не существует!

Для некоторых из нас принять такое трудно, но, по крайней мере, это логично. В Библии сказано, что дерево познается по плодам, и если дерево худое, маловероятно, что его плоды будут другими, даже если они выглядят красивыми снаружи (Мф. 12, 33). Современная ситуация среди христиан выглядит очень плачевно. Если мы очищены его кровью от наших грехов и возрождены к новой и вечной жизни Духом, как может быть, что мы все еще продолжаем грешить? Откуда эти грехи и что нам с ними делать? В ранней церкви часто думали, что греховность, с которой мы родились, по определению богословов «первородный грех», смывался крещением, вместе с другими грехами, в которых нужно раскаяться. Но вот загвоздка: как только крещение состоялось, его нельзя повторить, поэтому тот, кто грешил после крещения, был обречен на мучения в аду. Единственным способом избежать этой ужасной участи – было умереть за Христа, пройдя крещение огнем или мука-

ми.³⁰ В церкви первых веков такая возможность выпадала часто и была легко осуществимой, но даже тогда людям было чрезвычайно трудно, когда перед ними предстал такой незавидный выбор. В итоге все больше и больше христиан принимали решение отложить свое крещение до того момента, когда уже не смогут грешить, оказавшись на пороге смерти. Это представляло трудность для тех, кто выздоравливал после приступов хронических болезней. Но, несмотря на подобный риск, практика предсмертного крещения рассматривалась как лучшая возможность, даже невзирая на то, что она шла вразрез с учением Нового Завета по этому вопросу.

В конце концов, было решено, что хотя крещение смывает первородный грех, оно никак не отражается на грехах, совершенных после крещения. С одной стороны, это означало, что крещенные люди, совершавшие грехи не по доброй воле, не теряли свое спасение, пока они придерживались других таинств церкви, предоставляющих решение проблемы греха после крещения. Но даже постоянное и прилежное совершение таинств не было достаточным, чтобы справиться с огромной массой человеческих грехов и выделить немногих людей, способных жить богоугодной жизнью и не быть в долгу перед ним из-за своей греховности. Большинство же людей все же нуждались в дальнейшем очищении после смерти до того, как они могли надеяться войти в царство небесное. Было ли возможным подобное очищение? Ни в учении ранней церкви, ни в Новом Завете не было ничего, что подтверждало бы такую возможность, но казалось несправедливым, что большое количество людей закончат в аду, несмотря на искренние старания на протяжении жизни попасть на небо. Конечно, для них должна

³⁰ Идея брала свое начало в словах Иисуса в Лк. 12, 49-53. См. также 1 Кор. 3, 10-15.

быть какая-то божественная милость, которая помогла бы им достичь своей цели после смерти! Так родилась идея чистилища, – места, вымышленного средневековой церковью, где грешники, знающие о том, что они недостойны попасть прямо на небо, имели все же достаточно веры, чтобы избежать ада.

Изобретение чистилища было блестящим решением проблемы греха после крещения. Все стало еще лучше, когда церковь выступила с идеей о возможности сократить время пребывания в чистилище благодаря заступничеству тех, кто остался на земле. Освобождение из чистилища приобрело известность в богословии как «индульгенция»: люди могли получить награду за свои благочестивые деяния на земле, заплатив деньги, – купить индульгенцию для умерших родственников и тех, кто был в чистилище, и даже для себя. Это часто вызывало трудности, тем не менее, церковь прибегла к хитрому решению – продаже индульгенций. Это избавляло покупателя от необходимости делать что-то, требующее времени или привлекающее внимание, приносило прибыль церкви, которая предпочитала получать деньги, а не созерцать, как тысячи кающихся грешников избивают себя розгами, без толку ходят босиком по снегу и тому подобное.

Историки церкви знают, что именно беспорядочная продажа индульгенций и была тем фитилем, который воспламенил Реформацию. Мартин Лютер задался вопросом: разве можно купить благодать Божью? Как человек, имеющий только большой кошелек, чтобы откупиться от своих обвинителей, не выказывающий ни малейших признаков покаяния, может получить прощение грехов? Как и сегодня, люди в затруднениях готовы предложить деньги чтобы задобрить тех, кто может разоблачить или опозорить их, так и люди средневековья были готовы откупиться от церкви, что в их глазах было способом сохранить себе

расположение Бога. Даже сейчас для людей, далеких от церкви, характерно делать пожертвования время от времени, особенно после похорон, в надежде, что священник замолвит за них словечко, когда потребуется. Так стоит ли удивляться популярности индульгенций? Продажа индульгенций была позором, но Мартин Лютер не вызвал бы никаких серьезных изменений, если бы ограничился только критикой. До него уже пытались что-то сделать и ничего этим не добились, потому что осуждение системы совсем не означает, что система сама по себе обязательно неправильна. В наши дни есть католики-апологеты, готовые согласиться, что лютеране захотели отойти от церкви, и что Лютер был прав, осуждая их поведение, но также утверждающие: он ошибался, подвергнув критике саму систему. Если бы Лютер остался на уровне реформатора злоупотреблений, как они утверждают, сейчас он был бы святым, канонизированным церковью, и Реформация, расколовшая западный христианский мир, никогда не произошла бы.

Интересное утверждение, но оно игнорирует тот факт, что система индульгенций покоилась на неустойчивом основании, мало влияющем на практику их продажи. Даже если бы индульгенции были упразднены, или люди начали получать их, серьезно раскаявшись в своих делах, система все равно оставалась бы неправильной, потому что понимание греха и его прощения, заложенное в ней, было ошибочным. Основным изъяном в ней была вера средневековой церкви, что такое священное таинство, как крещение, могло избавить от греха. Как только эта идея укоренилась, единственным вопросом стало: как ее использовать. Так возникла сложная система исповедания, покаяния и очищения; все эти действия возглавлялись священником от имени церкви и предназначались прихожанам.

Ключ к пониманию Реформации находится в нашем толковании слова «покаяние». С латыни слово «*poenitentia*»

может быть переведено тремя разными словами – «наказание», «раскаяние» и «покаяние». Такое разнообразие переводов не случайно, и эти три слова – не синонимы. Напротив, они отражают споры, разделившие церковь в шестнадцатом веке, и до сих пор влияют на выражение нашей веры.

То, что мы называем «покаянием», было таинством церкви и получило хорошее обоснование в средневековом богословии. Оно измерялось тяжестью совершенных грехов, и работой священника был тщательный их подсчет. Вы убили свою тещу? Значит, должны коленопреклоненно шестнадцать раз прочитать «Богородице, дево, радуйся», желательно на каждой ступеньке церкви Божией Матери «Небесная Лестница» на улице Трех фонтанов в Риме или в другом подходящем месте. Вы ударили лошадь епископа? Двадцать раз «Богородице, дево, радуйся». И так далее. Конечно, я преувеличиваю, но только для того, чтобы стал более понятен описываемый мною обряд, живущий и поныне. Грехи делились на «смертные», способные ввергнуть человека в вечное проклятие, и «простительные», не вызывающие столь серьезных последствий. Если смерть настигала человека с «простительными» грехами, ему грозило всего лишь несколько дополнительных тысячелетий в чистилище, но если были замечены «смертные» грехи, – нераскаявшийся грешник шел прямо в ад. От этого и возникла паника, когда человек был при смерти. Если он не раскается и не получит последнее прощение от священника вовремя, его душа может погибнуть навечно.

Лютер пришел к пониманию, что «*poenitentia*» означало не ряд внешних деяний, соответствующих предполагаемой серьезности конкретных грехов, а внутреннее отношение ума и сердца – то, что сейчас мы называем «покаянием». Это открытие сформировало протестантизм как форму христианства, отличную от средневекового католицизма,

и гарантировавшую, что Реформация не окажется просто очередной чисткой. Как и следовало ожидать, оппоненты Лютера доказывали: наказание и покаяние были двумя сторонами одной монеты. По их мнению, внешние проявления неотделимы от внутреннего духовного состояния. Теоретически может быть и так, но не на практике. Со временем Лютер отказался рассматривать покаяние в связи с общеизвестной практикой внешних наказаний. Он также отверг свои прежние убеждения о том, что крещение и причастие – таинства. В результате на смену средневековой церковной процедуре очищения от грехов пришло что-то совершенно другое. Что это было?

Оправдание только по вере

Когда Лютер читал Новый Завет, он увидел, что единственной основой для прощения грехов, может служить оправдание по вере в Иисуса Христа. Эта вера основана не на делах, а на доверии тому, что Христос уже совершил непосильное для человека. В этом суть. Неважно, сколько мы старались, важно, сколько лет мы провели в чистилище, мы никогда не сможем заплатить за свои грехи. Другими словами, мы никогда не сможем заработать себе спасение. Грех слишком глубок, слишком радикален, слишком серьезен, чтобы от него можно было избавиться подобным образом. Только Бог способен справиться с ним, и это было сделано Христом на кресте. Наша жизнь не изменится и не может измениться к лучшему; мы останемся грешниками до самой смерти, ожидать чего-то другого – значит попросту обманывать себя. Но это не означает, что мы безнадежно потеряны, потому что Христос занял наше место на кресте, оплатил наши долги перед Богом и покрыл своей праведностью. И теперь мы можем находиться в присутствии нашего Отца небесного, не хвалясь собственной праведностью, но

полностью надеясь на праведность Христа, доступную для нас, или, как говорят богословы, вмененную нам.

Поскольку убеждение о вменяемой праведности Христа прижилось, традиционное понимание чистилища лишилось смысла по сути своей и стало кощунственным по отношению к Богу. Если Христос совершил все необходимое, как мы можем полагать, что способны добавить к его труду свои собственные усилия? И поскольку наши усилия ничего не стоят, вера приобретает особое значение. Без нее праведность Христа не может быть вменена нам, и мы так и будем непокрыты ею в день суда. Если мы не доверим ему наше спасение, мы примем на себя гнев Божий при последней трубе. Все эти соображения об оправдании по вере, и только вере, послужили основой, чтобы провести границу между «живой» и «павшей» церковью, как обычно говорят. Хотя вы и не должны совершать паломничество в Рим, чтобы спастись, вера не должна ограничиваться одним лишь простым исповеданием. Кроме того, следует отметить, что и сама вера может превратиться в работу. Может ли быть, что утверждая оправдание только по вере, протестанты заменили один труд на другой? Это серьезное недопонимание природы веры распространено так широко, что стоит разобраться, откуда оно исходит. Оправдание верой невозможно опровергнуть ни делами, ни смыслом веры, как бы важны они ни были. Фактически как само действие веры, так и осознанное согласие с исповеданием веры – это результат оправдания, а не их причина. Из-за того, что мы оправданы, мы начинаем верить в разные идеи. Символы веры и церковные исповедания веры – не испытания, которые надо пройти, а свидетельства того, что мы уже пережили и узнали во Христе. Но если эти утверждения веры – не та оправдательная вера, тогда в чем она?

Ключом к пониманию оправдательной веры есть осознание того, что она – дар Божий. Апостол Павел четко

говорил об этом в Послании к Римлянам: «По данной мне благодати, всякому из вас говорю: не думайте о себе более, нежели должно думать; но думайте скромно, по мере веры, какую каждому Бог уделил» (Рим. 12, 3). Вопрос о каком-либо достоинстве человека не стоит. Думать о себе «скромно» – означает служить Христу. Мы остаемся рабами ничего нестоящими, и, как и прежде, в своем спасении зависим от Божьей благодати (Лк. 17, 10). Для тех, у кого недостает оправдательной веры, все это звучит удручающе и невероятно. Человеческий разум взывает к справедливости и суду, нам кажется несправедливым, что добрые дела никак не вознаграждаются. Но те, кто испытал силу оправдательной веры в своей жизни, становятся свободными от подобных заблуждений. Они приходят к пониманию, что таких понятий, как справедливость и суд, – не существует, а если они и существуют, то приводят только к нашему осуждению. Мы избавлены от этого, можно сказать, несправедливо и незаконно! Бог вошел в нашу жизнь, и теперь мы – его дети (Гал. 4, 6). Я не знаю почему он должен примирять меня с собой подобным образом: это мир Божий, который соблюдает все помышления во Христе (Флп. 4, 7). Я ничего не сделал, чтобы добиться этого, и к счастью не могу ничего сделать, чтобы это потерять, даже если бы когда-нибудь попытался. Я полностью недостойн такой награды и не имел бы ее вовсе, если бы Бог не хотел мне ее дать. Это, в самом деле, тайна спасения, или, если хотите, соблазн. Вот он я, носящий сокровище оправдательной веры в глиняном сосуде, недостойном для его содержания (2 Кор. 4, 7), предназначенный Богом быть светом миру, хочу я того, или нет, и мне предначертано обитать на небесах в вечности, там, где я никогда не был. Вся моя праведность, как запачканная одежда (Ис. 64, 6), но он возложил на мою голову корону и покрыл меня царскими одеждами. Вот мое оправдание, и когда я оглядываюсь, чтобы посмотреть на себя,

я возвращаюсь к Богу, показывающему воочию, что я собой представляю, и, что еще более важно, кем я стал в нем. Это оправдательная вера; вот почему я спасен. Грех все еще живет во мне, но что-то большее вошло в мою жизнь и уничтожило его власть, так что эта жизнь уже не моя, но жизнь Христа, праведника, живущего во мне Святым Духом.

То, что Христос вменил праведность грешникам и что в нашей жизни есть оправдательная вера, не означает, будто мы прекратили грешить. Величайшее открытие Лютера состояло в следующем: если мы под защитой Христа, грех не исчезает, но он больше нам не засчитывается. Благодаря Христу, мы получаем статус оправданных грешников, или, как говорили древние: христианин – *«simul iustus et peccator»* (одновременно грешник и праведник). Для людей начала шестнадцатого столетия это была совершенно новая концепция, и для многих из них – полностью неприемлемая. По их мнению, оправдание перед Богом неразрывно связано с очищением от грехов, так что эти два понятия часто рассматривались как две разные стороны одной медали. Очищение усматривалось в измененной жизни, в делах благочестия, демонстрирующих всему миру, что хотел сказать этот человек. Много людей благородно жертвовали свое время и деньги, чтобы построить госпитали, школы, приюты, тем самым свидетельствуя, что они – дети Божьи. Некоторые направляли свои средства на то, что сегодня выглядело бы весьма сомнительным, как это было с королем Генрихом VI, построивший храм королевского колледжа в Кембридже для вознесения ежедневных молитв за спасение своей души после смерти, но никому не приходило в голову сомневаться в их усердии и искренности. Иногда встречались люди, которые настолько сильно были заняты делами очищения, что они полностью сливались с ними, и все верили: Бог действовал через них (иногда и после их смерти), дабы явить чудо. Это были святые, память

о которых до сих пор хранится в церквях и храмах по всему миру.

Реформация все это разрушила. Лютер считал, что всякий, оправданный по вере, уже был святым, и для этого он приводил места из Нового Завета и особенно из писем апостола Павла.³¹ Но эти святые также оставались грешниками, потому что, в противном случае, Павлу не нужно было бы писать им. Как возможно такое противоречие? Ведь если есть святость, то наверняка должно быть и меньше грехов! Протестанты часто недооценивают, что их критики, особенно из католиков, не могут понять: как можно отрицать то, что для них кажется абсолютно естественным. Как мы можем думать, что идем на небо, и продолжать грешить? Можно ли подвизаться в вере и затем ничего не делать, чтобы изменить свою жизнь, при этом не подвергая опасности утратить свое спасение?

Протестанты, конечно, не поддерживают такую логику, и усматривают в ней карикатуру на содержание материалов, исследованных и изложенных Лютером и его последователями. Вера во Христа намного больше, чем просто умственное согласие или убежденность в каких-то положениях. Вера включает в себя союз с ним. Библия описывает это как объединение с Христом в такой мере, когда его жизнь становится нашей жизнью и его праведность – нашей праведностью (Рим. 11, 17-24). Мы, как ветви на маслине, приносим плод только потому, что полностью соединены со стволом и неспособны сделать ничего сами по себе. Ствол дает жизнь ветвям; они могут быть отрезаны, но ствол остается, чтобы далее питать дерево. Но как ветви, бывает, усыхают и их нужно обрезать, если они не приносят плод, так и верующие во Христа будут отсечены, если

³¹ Из многочисленных мест Писания можно процитировать такие: Рим. 15, 25; 1 Кор. 14, 33; 2 Кор. 1, 1; Флп. 4, 22.

не пребудут в нем. Мы становимся совершенными только благодаря союзу с ним. Мы все еще в Адаме, и поскольку все еще остаемся грешниками, нам нужно прощение. Изменилось само основание, на котором дается прощение и смысл, заложенный в нем. Вот мы и подошли к исследованию великого вопроса прощения, так как Божье прощение определенно составляет более фундаментальный вопрос, чем оправдывающая вера. В конце концов, если бы Бог первым не простил нас, мы ничего не смогли бы вложить в нашу веру!

Прощение предлагается нам на основе того, что Христос сделал для нас, а не мы сделали для себя. Дух Святой обличает меня в тех грехах, которые я совершаю ежедневно и ведет меня к покаянию. Будучи ограниченным в своих умственных способностях, я не могу до конца осознать тяжесть моих грехов, но независимо от того, знаю я о них или нет, я верю, что они прощены во Христе. Мне остается только принять прощение и понять: что это значит для меня. Кажется, что принять прощение просто, но на практике это часто не так. Одна из основных причин в том, что мы – гордые люди, нам очень не нравится чувствовать себя полностью зависимыми от других, даже от Бога. Что-то внутри нас сопротивляется бесплатному прощению, и если уж по какой-то причине мы должны быть прощены, нам хочется заслужить это или отплатить каким-то образом. Назовите это самоуважением, если хотите, или гордостью, но как бы вы ни выразились, – это есть в нас и оно служит барьером для отношений с Богом. Но до тех пор, пока мы полностью ему не подчинимся и не примем его волю, мы не сможем получить его прощение, и, что еще более важно, – оно никак не изменит нашу жизнь.

Кроме того, некоторые люди сильно убеждены: они так нагрешили в своей жизни, что никогда не будут прощены. Такие люди не могут простить самих себя за сделанное

раньше, поэтому им кажется невозможным принять Божье прощение. Иногда это жертвы ложной скромности, они думают, что Бог не может интересоваться такими незначительными людьми, как они. Мысль о Божьем Сыне, оставившем небесный трон ради смерти за их грехи, кажется им настолько абсурдной, что они отказываются видеть в этом истину. Почему правитель Вселенной должен беспокоиться о таких, как они? За этими мыслями часто таится скрытый страх. Люди не хотят прощения, потому что, как это ни странно, оно лишает их уникальности и безопасности. Жить с грехами, должно быть, не очень приятно, но если мы знаем, что они при нас, это может оказаться неожиданно комфортным. Они позволяют сосредоточиться на своих эмоциях, не отвлекаясь от собственной персоны. Временами бывает неуютно за такими барьерами, но если мы позволим снести их, это навлечет всевозможные неизвестные опасности. Мы рассуждаем в себе, что уж лучше знакомый нам дьявол, чем вера, которая принесет нам новые и неизвестные изменения в нашей жизни.

Есть также множество людей, которые отказываются верить, что они совершили что-то действительно серьезное. Они не видят никакой нужды в прощении, и поэтому не утруждаются просьбами о нем. Для них «прости нам грехи наши» предназначено для других, то ли потому, что они «уже сделали это», то ли потому, что они искренне уверены: ведь ничего по-настоящему плохого не сделали, чтобы просить прощения. Их собственный загон кажется безопасным, посею только заблудшим овцам подходят идеи о прощении. В силу этого огромное количество людей обольщается ложной безопасностью, которая прямо противоположна спасительной вере. Изредка такие люди могут выразить желание извиниться за свои непреднамеренно причиненные другим оскорбления, при этом оставаясь уверенными в своем совершенстве. Но это

всего лишь отголосок истинного покаяния. Люди с таким образом мыслей похожи на богатого юношу из Евангелия (Мф. 19, 16-22). Они никого не убивали, ничего не крали, не прелюбодействовали. Они ходят в церковь по воскресеньям, не злословят, не лжесвидетельствуют на других людей и, конечно, они никогда не замыслили сделать себе идола для поклонения, вместо истинного Бога. Но именно из-за того, что они не могут этого увидеть, они и не нуждаются в покаянии. В конце концов, что они сделали не так? Максимум, в чем их можно обвинить, – что они не участвовали в каких-то церковных мероприятиях или проспали воскресное богослужение. Мы все знаем, что никто не совершен, и разве кто-то серьезно считает, что из-за такой малости можно провести вечность в аду? По их мнению, они абсолютно правы в своих рассуждениях и даже должны вызывать у нас симпатию.

Проблема в том, что в их логике есть серьезные ошибки. Иисус, вопреки общественному мнению, не обращал внимания на занятия людей. Когда он говорил с мытарями, проститутками и чиновниками, он принимал их такими, как они есть, несмотря на враждебное отношение со стороны большинства. Часто кажется, что Христос выступал только против уважаемых людей в обществе, что только на них он изливал свой гнев, обвиняя в лицемерии за сведение закона к своду правил, пренебрежению духовными принципами, лежащими в его основе. Иисус, наконец, был менее озабочен тем, что люди делают, нежели тем, как они мыслят. Ненависть к другому человеку в их сердцах рассматривалась так же, как убийство, – это и было убийство, на самом деле (Мф. 5, 21-26). Вот и получалось, что зачастую самыми большими преступниками оказывались люди, не видящие в самих себе нужды о прощении. Есть много людей, чья общественная жизнь представляет собой образец респектабельного человека среднего класса, но втайне

они способны на любую подлость по отношению к другим людям, даже к тем, с которыми они близки. Более того, они часто не видят в этом ничего плохого и могут оправдываться тем, что, хотя это и неприятно, но они оказывают услугу миру, мешая чьей-то карьере, потому что роль и влияние такого человека было бы только отрицательным. Последнее, о чем они задумываются и волнуются, – это возможность самим оказаться в подобной ситуации!

Для христиан просьба о прощении наших грехов – это, в конечном итоге, просьба о более близких отношениях с Богом. Чем дольше мы живем как христиане, тем глубже наша уверенность в его любящей заботе. Но при этом также увеличивается и скорбь, и сожаление обо всех грехах, совершенных в жизни. Глубоко укоренившаяся греховность, преобладающая в нашей земной сути, становится все более невыносимой по мере того, как больше узнаем о Христе и становимся ближе к нему. Мы все больше хотим быть похожими на него, проводить с ним больше времени, подражать ему, радоваться с ним. Благодаря такой близости, мы все больше ощущаем, что грехи тянут нас вниз. Чем больше мы чувствуем Божье присутствие в своей жизни, тем больше стесняемся взглянуть на себя. Мы ничего не можем сделать, чтобы подготовиться к его приходу в нашу жизнь. И, несмотря на то, что в нас есть много отталкивающих черт характера и наше поведение далеко не идеальное, он входит в нашу жизнь. Когда мы читаем жизнеописания великих святых, все истории похожи. Как заметил апостол Павел в конце своего земного пути: «Мне, наименьшему из всех святых, дана благодать сия – благовествовать язычникам неисследимое богатство Христово» (Еф. 3, 8). А уже в начале своего служения он заявлял, что «Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 19-20). Все повторяется: умаление себя и возрастание с приближением к царству небесному. Но чем меньше себя, тем больше

должно быть Божьего прощения и могущества, которыми он заполняет пустоту, оставшуюся после нашей гордости. Возрастать во Христе – означает становиться более зависимым от его прощения, которое составляет истинное основание для новой жизни в нем.

Молясь о прощении своих грехов, мы молим о получении того, что уже приготовлено для нас в том царстве. Христос не должен умирать второй раз, и мы тоже не должны вторично родиться. Основания наших отношений с Богом установлены, и поскольку они базируются на прощении наших грехов, то мы знаем: между нами не было бы никаких отношений, если бы прощение не имело места в нашей жизни. В то же время наши отношения с Богом развиваются. Мы попросту продолжаем грешить каждый день даже после нашего обращения, поэтому нам вновь и вновь приходится возвращаться к Иисусу в смирении и просить его о прощении новых грехов, равно как и о свершенных ранее. Заново приходится просить прощения за свою греховность, каждый раз приводящую к совершению специфических грехов и являющуюся более опасной и всепроникающей, чем любое другое наше действие. Я уверен, что Бог будет так же прощать меня в будущем, как он всегда делал это в прошлом, но меня не тревожит, что это как-то повлияет на его отношение ко мне. Главное в другом: я должен оставаться в правильных отношениях с Богом, чтобы эти отношения не были разрушены или затуманены каким давним и неисповеданным грехом.

Это намного более серьезная духовная проблема, и не все готовы ее признать. Очень трудно найти этому определение, потому что неисповеданный грех, вероятнее всего, неизвестен и, следовательно, не признан. Мы не можем избавиться от греха, если не знаем о его существовании. Внешне все может выглядеть неплохо, но даже малейшего повода может быть достаточно, чтобы проявилось наше

истинное «я», в котором таится потенциальная опасность. Но мы должны помнить, что понимаем только малую часть самих себя. Многие из того, что мы думаем, говорим и делаем исходит из тайников нашей души, и его в силе понять только Бог (Пс. 138, 1-6). Именно на этом этапе, когда мы просим Бога о прощении мы еще не понимаем, о чем говорим. Единственный выход – признать: очень многого мы не способны узнать о себе, и потому необходимо просить Бога изменять нас на том уровне, который ускользает от нашего сознания. Он-то уж точно может сделать это, поскольку весьма часто мы замечаем изменения в себе, не заметив, когда и как это произошло. Мы больше, не реагируем на какие-то ситуации как раньше. Мы уже не спешим высказать свое мнение, когда сталкиваемся с хорошо знакомым предубеждением. Вдруг оказывается, что мы говорим с людьми, заговорить с которыми раньше даже в голову не приходило, а теперь мы не прочь предложить им свою помощь. Вот тогда-то мы и понимаем: Бог повлиял на темные уголки нашей жизни, и, в конце концов, проявились результаты его труда, – мы можем распознать и рассмотреть дар его благословения.

Что касается меня, то сам я подошел к той точке в своей жизни, когда совсем не могу молиться Богу без мольбы о прощении, поскольку глубоко осознаю: весьма далеко отстою от него в своем сердце и мыслях. Но это не приводит меня в отчаяние, так как я убежден в главном: чем больше я приближаюсь к нему, тем острее понимаю свое несовершенство. Вы можете подумать, что опытный проповедник и учитель не должен переживать о подобных вещах, но, по-правде говоря, с каждым днем я все больше осознаю: как же коварна моя греховность! Я боюсь сказать что-то не так, создать о себе плохое мнение, не понравиться, оскорбить людей, которые вернутся и будут потом меня преследовать и так далее и тому подобное. Я говорю себе,

что не имеет никакого значения слушает ли меня кто-то или нет, но в сердце своем я жажду принятия и похвалы от людей и чувствую обиду, если этого не получаю. Давайте вспомним ситуацию из Нового Завета, когда Иисус исцелил десять прокаженных, а только один вернулся поблагодарить его. Остальные девять просто ушли (Лк. 17, 11-19). А сегодня изменилось ли что-либо? Не только возможно, но даже очень вероятно, что с большинством людей, которым мы служим, мы никогда не говорили, более того, знаем о них очень мало или почти ничего. Эти люди даже не думают встретиться с нами и сказать о том, как много для них значило то, что мы сказали или сделали? Такое может быть. По своей греховной природе, мы хотим, чтобы все девять вернулись, как тот один. Мало того, мы желаем знать: какими своими действиями мы прогнали их или хотя бы выяснить: вообще, было какое-то влияние с нашей стороны?

Грех очень силен и очень коварен, но не будем забывать, что прощение еще сильнее. Много раз я думал о том, что Бог дает осознание моих грехов, исключительно желая показать: насколько всесильно его прощение. Как будто бы он говорит: «Ты видишь, я сильнее, чем ты думал обо мне, потому что я простил даже тот грех, о котором ты думал, что я не знаю!» Когда такое бывает, я смеюсь над своим безнадежным скептицизмом и отвечаю: «Хорошо, Боже. Ты опять выиграл. И сколько еще это будет продолжаться?» Ответ звучит громко и отчетливо: «До того дня, когда я приду за тобой, чтобы ты жил со мной в моем царстве вовеки». Только тогда наша грешная природа будет по-настоящему преодолена, и только тогда вся полнота благословений его прощения полностью предстанет перед нашими глазами.